

*Королева
исторического
романа*

**Книги Анастасии Тумановой
в серии «Королева исторического романа»**

Полынь – сухие слёзы

Романы о сёстрах Грешневых:

Родовое проклятье
Дочери смуглой черкешенки
Дама полусвета

Цыганская сага:

Роковая красавица
Страсти таборных цыган
Люби меня, смуглянка!
Супруг неверный мой
Жена невенчанная
Княжна-цыганка
Цыганочка, ваш выход!

*Анастасия
Туманова*

Дама
ПОЛУСВЕТА

ЭКСМО
МОСКВА
2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Т 83

Художественное оформление серии *Сергея Власова*

Ранее книга издавалась под названием
«*Душа так просится к тебе*»

Туманова, Анастасия.

Т 83 Дама полусвета : роман / Анастасия Туманова. —
Москва : Эксмо, 2014. — 384 с. — (Королева истори-
ческого романа).

ISBN 978-5-699-73894-6

Анна Грешнева уверена, что ей никогда не избавиться от тягостной участи дамы полусвета и никогда не быть рядом с тем, кого она любит. Софья, ее сестра, тоже не считает себя вправе открыть свое сердце Владимиру Черменскому — купеческие содержанки не становятся дворянскими женами. И лишь Катерина пренебрегает условностями, живет так, как подсказывает душа, и — счастлива. Придет ли время, когда старшие сестры поймут, что это и есть единственно верный путь?

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-699-73894-6

© Туманова А., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

Ранним утром 12 октября 1882 года с поезда, прибывшего из Смоленска на Варшавский вокзал в Москве, сошел молодой человек лет тридцати. Широкий разворот его плеч и выправка выдавали военного, хотя мужчина был в штатском пальто и фуражке, какие носили деревенские помещики. С загорелого лица смотрели спокойные серые глаза. Молодой человек пересек еще темную привокзальную площадь, подошел к стоящим возле тротуара извозничьим пролеткам, сел в одну из них и негромко приказал извозчику:

— На Хитров.

— Ку... куда, барин?! — Извозчик круто повернулся и изумленно уставился на седока.

— На Хитров рынок. Угол Солянки и...

— Да уж знаем мы, где Хитров-то, не первый год по Москве ездим! — обиделся извозчик. — А пошто вам туда-то? Ведь самое гиблое место воровское. Туда и днем-то нос казать приличному человеку незачем! Разденут-разуют и в чем мать родила по улице пустуют! И это ишшо повезет ежели, а не то...

— Спасибо, что предупредил. А теперь, будь любезен, трогай, я тороплюсь.

Извозчик пожал плечами, снова покосился на странного седока и хлестнул лошаденку вожжами.

Доехали быстро: темные улицы утреннего города были еще пусты. В этом году рано настали осенние холода, снег пока не выпал, но земля уже промерзла. По тротуарам сухо шуршали последние облетевшие с деревьев листья, низкое сумеречное небо, казалось, лежало прямо на крышах домов. На углу Спасоглинищевского переуллка извозчик остановил свою лошадку.

— Дальше, хоть режьте, не поеду!

— И не надо, — спокойно ответил молодой человек, ловко выпрыгивая из пролетки и протягивая извозчику двугривенный. — Если не в тягость, подожди меня тут, через час я вернусь, и поедем дальше.

— Ой ли, вернетесь? — хмыкнул извозчик.

Молодой человек усмехнулся:

— Бог не выдаст, свинья не съест. Подожди, мне не хочется после тратить время и искать другой экипаж.

Извозчик, подумав, кивнул и еще долго провожал глазами высокую широкоплечую фигуру, исчезающую в густом тумане Хитровки.

Это было действительно самое опасное место Москвы. На Хитровом рынке находились воровские притоны, нищенские ночлежки, публичные дома низкого пошиба, по узким, заваленным грязью и нечистотами улицам болтались нищие, проститутки и грязные, оборванные дети. В подвалах продавали самодельную водку, скупали краденое, тут же перешивали ворованные вещи, чтобы выгодно сбыть их с рук, в кабаках «Пересыльный» и «Сибирь» прятались беглые каторжники. Простые горожане, естественно, старались обходить это страшное место за несколько кварталов.

Извозчик честно подождал час, опасливо поглядывая по сторонам и переругиваясь со шмыгающими поблизости нищими. Когда закончили бить часы с не-

далекой Сухаревой башни, вздохнул, перекрестился, пробормотал: «Ну, как есть зарезали дурака...» — и уже взялся за вожжи, собираясь разворачивать лошадь, как услышал знакомый голос:

— Вот молодец, дождался! Я немного задержался, так что спасибо!

— Ба-а-арин... — растерянно протянул извозчик, увидев приближающегося к нему недавнего пассажира. — Охти мне, живой...

— Как видишь, — подтвердил тот, запрыгивая в пролетку. К этому времени уже совсем рассвело, и извозчик заметил, что рукав пальто странного господина основательно измазан в грязи.

— Пальтишко запачкать изволили, — сказал он.

— Пустяки, а вот что с этим делать? — Молодой человек поднял руку, и извозчик увидел, что серая ткань пальто и борт сюртука под ним чисто и ровно разрезаны, будто хирургическим скальпелем.

— Это что за жиган постарался?..

— Степка Жареный не узнал меня с перепоя. Хорошо еще, что прошло скользом, — усмехнулся седок. — Подлец, мне ведь еще целый день ездить в таком виде по Москве... Ладно, здесь ничего... Поехали на Грачевку.

Некоторое время извозчик молча нахлестывал лошадь. Затем, не выдержав, спросил:

— А вы кто ж такой будете, ваша милость? Не из фартовых ли сами-то?

— Нет, — спокойно ответил седок. — Я из Смоленска, тамошний помещик.

— А звать вас как?

— Владимиром Дмитричем. А тебя?

— Меня Мишкой можете звать. В Грачевке вам кого надобно?

— Для начала мадам Голосовкер. Кстати, Михайло, можно ли тебя ангажировать на весь день? Мне еще много куда надо заехать...

— С превеликим нашим удовольствием, Владимир Дмитрич! — радостно отозвался извозчик. — С ветерком покатаю! Вся моя время ваша!

На Грачевке Владимир пропадал дольше. Мишка ждал его на Трубной площади целых два часа, от скуки перекидываясь шутками с сонными жрицами любви, возвращающимися после ночных трудов в свои комнатенки. Здесь было главное средоточие московских домов свиданий, улицы и переулки кишели столичными «мессалинами», их «котами» и «мадами».

Наконец Владимир появился в сопровождении целого букета разновозрастных проституток, которые что-то наперебой втолковывали ему, а он внимательно слушал и, как показалось извозчику, хмурился. Наконец девицы отстали, и молодой человек снова вскочил в пролетку.

— На Сухаревку!

Вокруг Сухаревой башни раскинулся бойкий толкучий рынок. Тут продавали всевозможное барахло, начиная от перелицованных штанов и заканчивая антикварными вазами и рукописными книгами пятнадцатого века. Было уже довольнолюдно, между рядами кучками бродил народ, раздвигали толпу торговки сбитнем и пирогами, сновали мальчишки, вертелись карманники, и Мишка на всякий случай предупредил:

— Вы осторожней бы, Владим Дмитрич, тут народ бедовый, на ходу подметки режут... Оставили бы мне портмонет, а то не дай бог...

— Не беспокойся! — Владимир соскочил с пролетки, ввинтился в пеструю гомонящую толпу и исчез. Вернулся через полтора часа, помрачневший.

— Едем к Бубнову.

— Да вы б сказали, кого ищете, ваша милость, а? Может, я и знаю...

— Наверяд ли, брат. Трогай.

Они побывали в бубновской «дыре» в Ветошном переулке, где в подвальном помещении днем и ночью шла крупная игра, заехали на Таганку, в лавки торговцев краденым, добрались до Грузин, где на цыганской улочке Живодерке Владимир долго расспрашивал барышников — к восхищению Мишки, на их языке, — потом зачем-то отправились на Конный рынок... И отовсюду странный господин возвращался целым и невредимым, но извозчик видел, что настроение его портится больше и больше. Уже поздним вечером, в полной темноте, Владимир вышел из самого лучшего московского дома свиданий на Сретенке и отрывисто, устало бросил:

— К дому графини Грешневой, в Столешников.

«Ого!» — мысленно перекрестился Мишка, но говорить ничего не стал. На Сретенке, ожидая седока, он успел напоить сивку из «басейни», и немного отдохнувшая лошадка бежала споро и охотно.

Дом графини Грешневой в Столешниковом переулке сиял всеми окнами: у хозяйки был вечер. Спрыгнув на землю у ворот, Владимир взглянул на извозчика:

— Что ж, Михайло, прощай на этом. Вот тебе рубль... и еще один... В расчете?

— Дозвольте еще обождать?

— Нет, брат, на этом все. Спасибо тебе.

— Зря проехали, ваша милость? — пряча за пазуху деньги, спросил извозчик. — Не нашли, кого хотели?

— Нет, — помолчав, ответил Владимир. — Что ж... будем надеяться, еще повезет.

— Ежели занадоблюсь — так у вокзала завсегда меня сыщете! Оченно приятно с вами дело иметь было!

— И мне с тобой также. Будь здоров. — Владимир подошел к запертой калитке, стукнул в нее, сказал несколько негромких слов отворившему дворнику и, махнув на прощание рукой извозчику, исчез в темном дворе. Мишка вздохнул и хлестнул сивку.

Войдя во двор, Владимир не пошел к освещенному голубыми фонарями парадному, а свернул на узкую, едва заметную, засыпанную палым листом дорожку, ведущую к черному ходу. Толкнув низкую дверь, молодой человек пересек темные сени и очутился на кухне графини Грешневой, где плавали облака пара, пахло пирогами и гремели котелки.

— Здравствуй, Фекла! Бог в помощь! — поздоровался пришедший.

Кухарка — еще молодая баба с плотно сбитой фигурой в заляпанной суконной юбке и распахнутой на груди нанковой рубахе — тяжело бухнула на стол исходящую паром кастрюлю и, вытирая запястьем пот с лица, сощурившись, глянула на гостя. И тут же ее красное, лоснящееся, щекастое лицо расплылось в улыбке:

— Ой! Никак господин Черменский? Владимир Дмитрич пожаловали?! Ой, и сколько ж вас не было-то?! С весны, поди, не показывались? И не совестно так долго не захаживать?

— Дела, Фекла... Я ненадолго. Вижу, вижу, что тебе не до меня. Мне только надобно спросить...

Но Фекла снова перебила его:

— А Северьян Дмитрич где ж? Или вы его на улице оставили?

По лицу Владимира пробежала тень. Кухарка заметила это и растерянно всплеснула руками:

— Неужто вы без него нонеча? Вот первый раз такое вижу!

— Да, Фекла... — вздохнул Владимир. — Я, собственно, потому и пришел, думал — может, он у тебя.

— Ка-а-ак же... — расстроено протянула кухарка. — Уж давным-давно своим вниманьем не радовали... Как и вас, с весны не видела. Так что же, ушѐдши они от вас? Вот уж ни в жисть бы не подумала...

— И я тоже, — невесело усмехнулся Владимир. Фекла покачала головой и собралась было еще что-то сказать, но в это время, скрипнув, открылась дверь.

— Фекла, ну сколько же можно, почему не подают... — мягкий и спокойный голос вдруг оборвался на полуслове. На пороге кухни стояла графиня Анна Грешнева, молодая женщина двадцати шести лет.

Владимир невольно шагнул к дверям, в тень, но хозяйка, заметив это движение, повернулась... и всплеснула руками:

— Господин Черменский? Володя? Владимир Дмитрич?! Боже правый, какими судьбами?! Сколько лет, сколько зим?!

— Всего лишь полгода, Анна Николаевна, — сдержанно отвечивал Черменский, выходя из темноты и целуя протянутую руку хозяйки дома. — Право, у меня в мыслях не было вас беспокоить, но...

— Да как же вам не совестно, Владимир Дмитрич?! — возмутилась графиня. — Моя кухарка, оказывается, имеет больше прав на ваше внимание, чем я... Вы в Москве! И не зашли! Да это же с вашей стороны просто... Я слов не нахожу для оценки такого поведения!

— Анна Николаевна, слово чести, я не рассчитывал... — Черменский был непритворно смущен. — У вас ведь гости, а к Фекле я по делу...

— Ну и что?! Вы, мой старый знакомый, мой друг, мой... Тем более что уже почти никого и не осталось, все разъехались! Владимир, клянусь, если вы сейчас уйдете, я прерву наше знакомство и откажу вам от дома! Раз и навсегда!

— Помилосердствуйте... Я иду. Фекла, сделай милость, сунь куда-нибудь... — Черменский протянул кухарке пальто. Фекла машинально приняла его, вздохнула, всхлипнула, вытерла нос разрезанным рукавом и деловито вытащила из воротника своей рубашки вколотую в него иголку с ниткой.

В этот вечер графиня Грешнева, «московская Нинон де Ланкло», как всегда, устраивала приемный вторник, и большая гостиная с диванами и креслами из зеленого бархата была полна мужчин из самых известных семей Москвы и Петербурга. Дамы из тех же семей здесь не появлялись никогда. Графиня Анна Грешнева, несмотря на свой действительный титул и фамилию, записанную в Дворянской книге, не была принята в свете. Очень темной оказалась история ее семьи, очень загадочной — смерть родителей, блестящего генерала Грешнева и пленной черкешенки, с которой генерал не был обвенчан, хотя они прожили вместе двенадцать лет. Впрочем, рожденных черкешенкой детей — сына и трех дочерей — генерал признал законными, дал им свое имя и титул, успел определить старшую дочь Анну в Смольный институт, а сына — в Пажеский корпус в Петербурге. Но несколько лет спустя генерала нашли зарезанным в собственной спальне, а еще через два дня из реки выловили тело его невенчаной жены. Все сошлись на том, что черкешенка, за двенадцать лет жизни с Грешневым так и не смирившаяся со своей долей, зарезала мужа и утопилась сама.

Огромным имением, состоянием и осиротевшими детьми занялся опекун, дальний родственник семьи. В Москве поговаривали, что именно он и обесчестил старшую девицу Грешневу, едва та покинула стены Смольного. После смерти старика опекуна Анна стала официальной содержанкой его сына. Вместе с Петром Ахичевским она показывалась в театре, кафешантанах, ресторанах, эту блестящую и красивую пару знала вся Москва, мужчины откровенно завидовали, женщины втихомолку негодовали. На деньги любовника Анна кое-как содержала приходящее в упадок имение и сестер, тогда еще совсем девочек. Брат Сергей, отставной армейский капитан, напропалую играл, пил с мужиками в кабаке водку и ни о чем не хотел думать. За несколько лет приданое младших сестер было пущено по ветру, имение разорилось, девочки Грешневы бегали в рваных платьях, сами шили белье на продажу, копались в огороде, бродили по окрестным лесам в поисках грибов и ягод и готовились идти в монастырь: без денег, без приданого, с сестрицей-куртизанкой о приличной партии не стоило и мечтать.

Четыре года назад грянула беда: родовой дом Грешневых под Юхновом сгорел. В пожаре погиб Сергей. Сразу стало известно, что это младшая из сестер, Катерина, заперла пьяного брата в доме и сама подожгла имение. В тот же день средняя сестра, Софья, исчезла из Грешневки. Ходили слухи, что накануне своей гибели Сергей продал родную сестру проезжему купцу за несколько тысяч в уплату карточного долга, и та, помешавшись от отчаяния, утонула в Угре. Катерина отомстила за Софью, заживо спалив пьяного брата. По Москве ходили домыслы и рассказы один другого страшнее. Они возобновились с новой силой несколько месяцев спустя, когда пят-

надцатилетняя Катерина Грешнева сбежала из приюта, куда ее из уважения к покойному отцу-генералу поместили вместо тюрьмы, со значительной суммой казенных денег. Больше о девушке никто ничего не слышал.

Той же весной Анна рассталась со своим любовником: того ждала выгодная женитьба. А через несколько месяцев в Москве вошли в моду вторники графини Грешневой, на которые приглашались одни мужчины. На этих вечерах присутствовали «кузины» хозяйки: юные хорошенькие девушки, способные поддержать светскую беседу, понимающие по-французски, умевшие сыграть на рояле или гитаре, спеть и украсить таким образом мужское общество. Девушек оказывалось неизменно шесть, но состав очаровательной группки постоянно менялся: спрос на «кузин» графини Грешневой в столице был колоссальным, девицы уходили из дома Анны в содержанки, в камелии, а двоим даже удалось сделать блестящие партии, выйдя замуж за границу. Для того чтобы забрать «кузину» из дома Грешневой, требовалось согласие самой барышни, разрешение хозяйки и значительная сумма денег, раздобыть которую мог далеко не каждый. Откуда брались столь очаровательные девушки у графини, никто не знал: доверенного лица Анна Грешнева не имела. Также не было у нее и официального любовника, хотя добивались этой чести многие: графине исполнилось всего двадцать шесть, она была красива, умна и свободна.

Когда хозяйка и Черменский вошли в гостиную, часы показывали уже за полночь. Шум поутих, почти все гости распрощались и уехали, девушки тоже исчезли, в зеленой гостиной остались лишь двое мужчин, которые, устроившись в диванном уголке с бокалами вина, вели негромкий разговор.

